

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ПОСЛОВИЧНЫЕ ИНСЦЕНИРОВКИ

В.И. Карасик

Кафедра английской филологии
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
проспект Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066

В статье анализируются пословичные инсценировки — разновидность пословиц, представляющих собой презентационное действие, подобное театральному представлению. В прагматическом отношении эти коммуникативные единицы выступают как микроспектакли с назиданием, в которых участвуют два персонажа — рассказчик и тот, кто подвергается осмеянию. В семантическом плане такие речения фиксируют аксиогенные (ценностно маркированные) ситуации, построенные на фигуре контраста между порицаемым поведением и его антитезой, в качестве объектов критики фигурируют распространенные человеческие пороки, показанные в юмористическом или ироническом свете. В структурном отношении эти высказывания представляют собой диалог либо часть диалога, часто включают прямую речь либо имитируют чью-либо манеру речи.

Ключевые слова: пословица, инсценировка, диалог, аксиогенная ситуация, осмеяние.

ВВЕДЕНИЕ

В известном словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» мы видим весьма различные по своему характеру речения — дидактические сентенции (*И у курицы сердце есть*), прямые призывы вести себя определенным образом (*Перестань о том тужить, чему нельзя пособить*), присловья (*Пропал Авдей от злых людей*), приметы (*В голове свербит — бранить будут*), загадки (*Вся дорожка осыпана горошком — звезды на небе*). В ряду таких речений выделяется группа высказываний, представляющих собой разыгрываемую сценку:

Медведя поймал! — Веди сюда! — Да нейдет! — Так сам иди! — Да не пускает!

Подобные высказывания — это не повествование о чем-либо, а прямое презентационное действие, подобное театральному представлению. Их можно терминологически обозначить как пословичные инсценировки. Составитель словаря не случайно включил такие миниатюры в состав паремиологического корпуса — они в концентрированном виде выражают определенный жизненный опыт, заслуживающий осмысления, содержат очевидную норму поведения (обычно осуждаемого), экспрессивны и хорошо запоминаются. Данные инсценировки являются

разновидностью коммуникативной фиксации ценностно маркированных (точнее — ценностно порождающих, или аксиогенных) ситуаций [6], наряду с легендами, притчами, афоризмами, анекдотами и рассказами о заслуживающих внимания событиях.

Паремиологические единицы неоднократно привлекали к себе внимание филологов. Детально изучены их структурно-семиотические параметры [12], определены их типы в рамках фольклора [7], приведена аргументация относительно их места в составе фразеологической системы языка [2; 9; 4], освещены их лингвокультурологические характеристики [5; 8], показаны генеративные модели их построения [13], охарактеризован их коммуникативный потенциал [14], предложен комплексный когнитивно-дискурсивный подход к их описанию [1].

Инсценировка как коммуникативный поступок, насколько известно автору, не была предметом специального лингвистического анализа, но презентационное действие охарактеризовано в работах И. Гофмана [3] и Ю. Хабермаса [16], а специфике презентационного дискурса посвящено исследование А.В. Оляничка [11].

Лингвистически значимая суть презентационного действия состоит в его противопоставлении повествованию о чем-либо (по Платону это — мимесис и диэгесис, в терминах В.И. Тюпы — дискурс драматурга и теоретика) [15]. Одну и ту же аксиогенную идею можно выразить в виде сентенции, притчи, развернутого нарратива либо драматургически построенного диалога. Диалог оказывает наибольшее воздействие на адресата, активизирует его интеллектуальные и эмоциональные реакции, направив их по нужному для говорящего пути [10. С. 92]. Обратимся к описанию таких диалогов (в ряде случаев усеченных до одной реплики).

СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЛОВИЧНЫХ ИНСЦЕНИРОВОК

В структурном отношении пословичные инсценировки представлены несколькими типами. Выделяются диалоги, включающие несколько реплик:

Собака, чего лаешь? — Волков пугаю. — Собака, чего хвост поджала? — Волков боюсь.

Существуют нарративы с речью определенного персонажа, при этом кульминация состоит именно в прямой речи:

Сама мышь залезла в кувшин, а кричит: «Пусти!»

Подобного рода речения весьма распространены в пословицах разных народов:

Утопая, муха говорила: «Пусть вода зальет весь мир!» (Ассир).

Заслуживают внимания отдельные реплики, представляющие собой шуточные комментарии:

Нешто я у бога теленка украл, что меня все обходят?

Как и другие автосемантические высказывания, являющиеся своеобразными инкрустациями в тексте, инсценировки требуют неких вводных образований, вы-

раженных вербально либо мимически, например, «как говорят». Эти речения выделяются голосом так, чтобы адресат сразу же понял, что перед ним разыгрываемая сценка. Известно, что в диалектной речи часто используются звукоподражания, имитирующие чью-либо манеру говорить. Это же относится и к звукам, издаваемым животными:

Свиньи хрю, и поросята хрю.

Пословичный смысл подобных речений выражается и в более стандартной форме:

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Налицо параллелизм поведения больших и маленьких персонажей, при этом ситуация оценивается как занятная.

В семантическом плане важнейшей характеристикой подобных речений является их парадоксальность:

Да, это дело нехорошее... А дай-ка попробуем.

Намеренный алогизм вызывает улыбку и хорошо запоминается. Таковы, например, известные реплики бывшего российского председателя правительства В.М. Черномырдина:

«Такого еще никогда не было и вот опять случилось».

Семантически подобные инсценировки представляют собой имитацию речи двух персонажей, при этом первый задает высокий стилевой регистр, а второй его резко понижает:

Вечный мир — до первой драки.

Рассматриваемые речения часто представляют собой оппозитивные образования:

Что весел? — Да женюсь. — А что головушку повесил? — Да женился.

В приведенном примере контраст поддержан рифмой (*весел — головушку повесил*).

Контраст в инсценировке учит слушателей принимать многообразие мира:

Долго ль до вечера? — кричала квакушка. — Долго ль до зореньки? — тосковал соловушек.

Симпатии говорящего в этом тексте явно на стороне соловья.

В ряде случаев ключевая реплика является заведомо абсурдной:

Дай молочка! — погоди, еще не подоили бычка.

Отрицательный ответ выражен в форме насмешки.

Подобные диалоги бывают построены на эффекте неожиданного завершения:

Федул, что губы надул? — Да кафтан прожег. — Зачинить можно. — Да иглы нет. — А велика дыра? — Да один ворот остался.

Обратим внимание на комичное преуменьшение результата (кафтан прожег — фактически полностью его сжег).

Фольклорные речения характеризуются намеренным снижением стиля:

Не к рожке платочек, утрись рукавичкой!

Обратим внимание на диминутивные формы слов «*платочек*» и «*рукавичка*», говорящий иронически характеризует девушку, которая, по-видимому, претендует на статус человека из более высокого социального круга.

В пословичных инсценировках осуждаются те, кто вызывает зависть:

Наша Дунька не брезгунька, жрет и мед.

Намеренное снижение стиля усилено рифмами.

Типичным приемом создания комического эффекта в пословичной инсценировке является демонстрация очевидности:

Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора — вором назовут.

В подобных речениях мы сталкиваемся с раздвоением оценочного субъекта, который произносит трюизм и при этом пародирует сам себя. Подобные способы игрового речевого поведения распространены в устном непринужденном общении.

В прагматическом аспекте пословичные инсценировки характеризуют поведение определенных персонажей универсальной человеческой комедии.

Противопоставляются хитрец и простак:

Выьем? — Выьем. — А деньги где? — А шапка-то у тебя на что?

Инициатор общения разыгрывает манипулятивный сюжет, пытаясь получить выгоду от партнера, но адресат разгадывает эту стратегию.

Выделяются обычный человек и неумеха, ведущий себя нелепо (налицо аналогия с Пьеро из комедии дель арте):

Окуля, что шьешь не оттуля? — А я, матушка, еще пороть буду.

Обыгрывается диалог матери и дочери, при этом дочь делает заведомо напрасную работу, и это вызывает смех.

Типичным является амплуа неумелого обманщика, которого выводят на чистую воду:

Кто съел пирог? — Не я. — А кому дать еще? — Мне.

Осуждаются глупцы:

Воду толчешь? — Толку. — А пыль идет? — Нет. — Толки еще.

В данном случае прослеживается аллюзия к устойчивому сочетанию «*толочь воду в ступе*» — заниматься бессмысленным делом (в свое время это было наказанием в монастырях).

В пословичных инсценировках высмеиваются те, кто хочет воспользоваться чужим трудом:

Иван, скажи моей лошади тпру! — А сам что ж? — Губы замерзли.

Интересно отметить, что причинно-следственные отношения в подобных сюжетах могут неожиданно меняться:

Иван, зануздай мою кобылу! — А ты что ж? — Да, вишь, ломоть в руках. — Ну, положи в шапку. — Да не лезет.

В этом диалоге высмеивается не только стремление воспользоваться чужим трудом, но и жадность.

В пословицах резко критикуются обманщики:

Говорит, слеп, а в избе печь нацупал.

Обратим внимание на то, что резко осуждается стремление обманом вызвать к себе сочувствие и жалость.

Отрицательной оценке подвергается скупость:

Разорился парень бедный: купил девке перстень медный.

Медный перстень стоит дешево, и поэтому его покупка не может привести к разорению.

Осуждается ханжество:

Пойдем в церковь! — Грязно. — Ну, так в кабак! — Уж разве как-нибудь под забором пройти.

Невозможно пролезть под забором и не испачкаться, но для ханжи это уже не важно.

Осуждаются умники, которых пытаются поставить на место бессмысленным ответом:

Отчего ты так глуп? — У нас вода такая.

Это речение можно проинтерпретировать и как иллюстрацию действительно полной глупости.

Заслуживает внимания противопоставление труда и досуга в паремиях:

Что мне соха — была б балалайка.

Эту фразу можно трактовать в разных смыслах, но представляется, что она используется в основном для осуждения тех, кто не хочет пахать.

В пословичных инсценировках прослеживается модель «лучше А, чем Б», при этом участникам общения ясно, что первое хуже второго. Перед нами фольклорный прием доведения до абсурда:

Лень, отвори дверь, сгоришь! — Хоть сгорю, да не отворю.

Осуждается лентяй, лежащий на печи и начинающий уже дымиться, но не желающий пошевелить рукой и спасти себя.

Сравним:

Пусть лучше брюхо лопнет, чем добро пропадет!

Обжорство, как лень и упрямство, приносит больший вред самому человеку, чем окружающим.

Интересно отметить, что партнер, реагирующий на инициальную реплику, иногда поддерживает собеседника и тем самым самокритично признает свои ошибки:

Что делали? — Ждали. — А что выждали? — Жданки.

Окказиональное слово «жданки» является оценочно маркированным и выражает напрасное ожидание чего-либо.

В таких предложениях фигурируют типажы, с которыми ассоциируются заведомо осуждаемые нормы поведения:

Краденая кобыла не в пример дешевле купленной обойдется (сказал цыган).

Считалось, что цыгане занимаются конокрадством. Сравнение краденого и купленного выглядит комично.

Типичным приемом создания комического эффекта является передразнивание:

Сырого не ем, жареного не хочу, вареного терпеть не могу.

Так говорят о людях, которым не угодишь.

Несовпадение желаний — типичная причина для пословичной инсценировки:

Хорошо ты поешь (или: играешь), да мне плясать неохота.

Интересны предложения, в которых диалектически уравниваются противоречивые позиции людей:

Ты, матушка, грози; а ты, девушка, гуляй!

Обратим внимание на самокритику в пословичных инсценировках:

Поглядел дурак на дурака, да и плюнул: эка-де невидаль.

Оценка в пословичной инсценировке является точной и запоминающейся:

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо в ровню упрямчивое.

Высмеивается чересчур разборчивая девица, отвергающая все варианты сватовства.

В ряде случаев игровой эффект инсценировки становится доминирующим:

Служба, не видал ли тут теленочка? — А какой он был? — Рыженький, с обрывком на шее. — А один бок потертый? — Да, да, он и есть! — Нет, не видал.

Солдат (слово «служба») является в этом предложении эквивалентом обозначения «служивый») имитирует непонимание. Наигранная простота часто используется в фольклорных диалогах как способ высмеять умников.

Пословичные инсценировки обнаруживают широкую вариативность в плане их дидактического посыла. Выделяются диалоги с явно выраженной дидактичностью:

Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, поди кисель есть. — А где моя большая ложка?

Осуждается любая форма нахлебничества и иждивенчества, и это вполне объяснимо для крестьянского быта.

Сравним:

Чай ты устал, на мне сидя?

Не менее категорично критикуется безосновательная отрицательная оценка:

Пришла свинья к коню, говорит: и ноги-де кривы, и шесть нехороша.

Подчеркивается не только условность оценки, но и стремление того, кто заведомо хуже, чем объект его критики, устанавливать свои нормы.

В инсценировках выражена резко отрицательная оценка неподобающего поведения. Так, саркастически характеризуется тот, кто должен довольствоваться хоть чем-либо, но пытается капризничать:

Дали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены не ладно».

Обратим внимание на аллитерацию и рифму в этом тексте (*голодной — Маланье — оладьи — не ладно*).

Осуждается неумение сдерживать свои чувства:

Я хочу! — Ну, хоти, поколе не расхочешь.

Идея насмешки над необоснованным либо неправильно выраженным желанием выражена в распространенной ответной реплике родителей:

Хотеть не вредно.

Обратим внимание на рифмованный вариант подобного ответа:

Мне хочется! — А мне хохочется.

Существуют и принципиально недидактичные инсценировки, служащие только игровой цели и сближающиеся в этом смысле с пустоговорками:

Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?

Пьем, людей бьем; как не живем?

Подобные фразы настраивают общение на шуточный лад и являются своеобразными камертонами искренней дружеской коммуникации.

Интересно межъязыковое сопоставление пословичных инсценировок в разных лингвокультурах:

А где тот хлеб, что вчера съели?

Сравним: *Mais où sont les neiges d'antan?* (F. Villon) — *Но где же прошлогодний снег?*

Одна и та же идея может быть выражена в виде поговорки и индивидуально-авторского текста (хотя следует отметить, что в балладе Ф. Вийона доминирует элегическая тональность, а в русской пословичной сентенции — ироническая).

Сравним осуждение ничегонеделания в русской и английской лингвокультурах:

Ты что делаешь? — Ничего. — А ты что? — Да я ему помощник.

If you have nothing to do don't do it here. — Если Вам нечего делать, не занимайтесь этим здесь.

Английская фраза выражает эту идею в виде совета, русская — в виде инсценировки.

Отметим, что в списке английских поговорок инсценировки фактически отсутствуют, если не считать риторических вопросов:

Why keep a dog and bark yourself? — Зачем держать собаку и самому лаять? (Зачем держать слуг, за которых приходится работать?).

Составители немецких словарей пословиц приводят известное речение, соответствующее классу пословичных инсценировок:

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. — Завтра, завтра, не сегодня, все лентяи говорят.

Существуют пословицы, совпадающие или почти совпадающие в разных языках и весьма специфичные, свойственные какой-либо одной лингвокультуре. Пословичные инсценировки отличаются своеобразием, но среди них попадаются тексты, которые своеобразно выражают известные идеи. Например:

Невеста не умела плясать и сказала: «Пол кривой!» (Перс.).

Это речение соотносится с притчей о лисе и винограде: не сумев допрыгнуть до гроздьев, лиса заявила, что виноград еще зелен.

Интересны украинские пословичные инсценировки:

Якщо б не мій дурень, так і я б сміявся. — Если бы не мой дурак, так и я бы смеялся.

Превентивная самоирония говорящего лишает его собеседников возможности сделать ему замечание.

Осуждаются жадные:

Заліз кіт на сало та й кричить: «Мені мало!» — Влез кот на сало и кричит: «Мне мало!».

Необоснованные притязания часто сопряжены с чрезмерными запросами. Вместе с тем заметим, что один и тот же образ (в частности кошка и сало) может получить различную оценочную интерпретацию. Сравним:

Чует кошка, чье сало съела.

В данном случае (в формате сентенционального описания) высмеивается страх напроказившего отвечать за свои поступки.

Актуальной для осмысления является идея несправедливого суда:

«Чья справа?» — «Війтова!» — «А хто судить?» — «Війт!» — «Чье дело?» — «Войтово!» — «А кто судит?» — «Войт!».

Иронически осмыслена ситуация, когда представитель власти в судебном порядке рассматривает свое собственное дело (войт — выборное или назначенное должностное лицо в средневековых городах Польши, Украины, Белоруссии; староста в украинском селе).

Заслуживает внимания горькая ирония, выраженная в следующем тексте:

Мужа на виселицу ведуть, а жена ему говорить: «На обратном пути купи мне розовую юбку» (Перс.).

Здесь речь идет об эгоизме, выходящем за любые мыслимые рамки. Есть люди, которые не способны видеть, что происходит с их близкими.

Пессимистична оценка людей в следующей пословичной инсценировке:

У одного горит борода, а другой кричит: «Постой, дай мне руки погреть!» (Арм.).

Идея о том, что всегда найдутся желающие извлечь выгоду из неприятностей соседа, не нова. В пословице найден яркий символический образ для этой идеи.

Интересны паремические образования, характеризующие определенные типы людей:

Осла пригласили на свадьбу, он сказал: «Наверно, нужно воду таскать» (Арм.).

Это речение объясняет нам поведение тех, кто с подозрением относится к другим: на ослах обычно возят воду (и всякий другой груз), и поэтому ничего хорошего этот персонаж от приглашающих не ждет.

Иной психотип показан в следующем речении:

Орел сказал: «Хороший человек в меня стрелять не будет, а дурак не попадет» (Осетинск.).

Оптимизм персонажа базируется на его вере в добрых людей, во-первых, и презрении к глупцам, во-вторых.

Вместе с тем у оптимизма должны быть разумные границы:

Курица заявила: «Мало ли что бог сказал, все равно я летать буду» (Осетинск.).

Это речение иллюстрирует смехотворность самонадеянности.

Среди пословичных инсценировок встречаются незатейливые розыгрыши и простые поучения, но иногда попадаются глубокие философские реплики, заставляющие задуматься о смысле жизни:

Я не говорил: не станешь царем, я говорил: не станешь человеком (Арм.).

В этой фразе суммируется множество идей, связанных с борьбой за власть и платой за нее.

Приведенные в сборниках пословиц и поговорок речения, разумеется, отражают предпочтения составителей этих сборников. Тем не менее, обращает на себя внимание то, что пословичные инсценировки регулярно встречаются в корпусах соответствующих русских и украинских текстов, а также в кавказском и ближневосточном ареалах, в других же лингвокультурах к подобным высказываниям прибегают реже. Возможно, подобные инсценировки обнаруживают специфическое распределение по жанрам речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В паремиологическом фонде существует особый класс единиц — пословичные инсценировки, объединяющий высказывания, используемые для концентрированного выражения определенных ценностей. Эти единицы в структурном отношении представляют собой диалог или часть диалога, семантически построены на фигуре контраста и часто выражают парадоксальное положение дел, а в прагматическом плане соответствуют разыгрыванию микроспектаклей, в которых действуют персонажи, воплощающие, как правило, человеческие пороки, показанные в юмористическом или ироническом свете.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и дискурсе: монография. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2012.
- [2] *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. школа, 1972.

- [3] *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000.
- [4] *Жуков В.П.* Предисловие // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: ок. 1200 пословиц и поговорок. 5-е изд. М.: Рус. яз., 1993. С. 9—21.
- [5] *Иванова Е.В.* Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002.
- [6] *Карасик В.И.* Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
- [7] *Клубков П.А.* «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 645—664.
- [8] *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
- [9] *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М.: Изд-во «Международные отношения», 1972.
- [10] *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста: Учебник для студ. филол. специальностей. 3-е изд., испр. Одесса: Латстар, 2002.
- [11] *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007.
- [12] *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. Научная редакция Е.М. Мелетинского и Г.Л. Капчица. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001.
- [13] *Савицкий В.М.* Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Самарский университет, 1993.
- [14] *Сидоркова Г.Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар:, 1999.
- [15] *Тюна В.И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- [16] *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984.

Текстовые источники

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1996.

Мудрое слово Востока. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1996.

Осетинские (дигорские) народные изречения / Из собрания Г.А. Дзагурова. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. Гассиева, 2011.

STAGING IN PROVERBS

V.I. Karasik

English Philology Department
Volograd State Socio-Pedagogical University
Lenin Ave., 27, Volgograd, Russia, 400066

The article deals with a special type of proverbs which are coined as presentations similar to theatre performances. Pragmatically, such communicative units function as micro shows with moral advice and include two main characters — a narrator and a person to be ridiculed. Semantically, such proverbs record axiogenic (value embedded) situations based on the figure of contrast between the behavior to be condemned and its antithesis. Typical human vices shown humorously or ironically are presented as object of criticism. Structurally, the sentences described function as a dialog or its part, they often include direct speech or imitate someone's manner of speaking.

Key words: proverb, staging, dialog, axiogenic situation, ridicule.

REFERENCES

- [1] *Abakumova O.B.* Poslovičny' v yazy'ke, soznanii i diskurse: monografiya. SPb.: Izd. Dom «Alef-Press», 2012.
- [2] *Gofman I.* Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni / per. s angl. A.D. Kovaleva. M.: KANON-press-C, «Kuchkovo pole», 2000.
- [3] *Ivanova E.V.* Poslovičny'e kartiny' mira (na materiale anglijskix i russkix poslovič). SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2002.
- [4] *Karasik V.I.* Yazy'kovoe proyavlenie lichnosti. Volgograd: Paradigma, 2014.
- [5] *Klubkov P.A.* «Yazy'kovy'e igry» i малы'e zhanry' gorodskogo fol'klora // *Sovremennyj gorodskoj fol'klor*. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 645—664.
- [6] *Krasny'x V.V.* E'tnopsixolingvistika i lingvokul'turologiya. M.: Gnozis, 2002.
- [7] *Kunin A.V.* Frazeologiya sovremennogo anglijskogo yazy'ka. Opy't sistematizirovannogo opisaniya. M.: Izd-vo «Mezhdunarodny'e otnosheniya», 1972.
- [8] *Kuxarenko V.A.* Interpretaciya teksta: Uchebnik dlya stud. filol. spe-cial'nostej. 3-e izd., ispr. Odessa: Latstar, 2002.
- [9] *Olyanich A.V.* Prezentacionnaya teoriya diskursa. M.: Gnozis, 2007.
- [10] *Permyakov G.L.* Poslovičny' i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrechenij dvuxsot narodov. Nauchnaya redakciya E.M. Meletinskogo i G.L. Kapchica. M.: Izd-vo «Labirint», 2001.
- [11] *Savickij V.M.* Anglijskaya frazeologiya: problemy' modelirovaniya. Samara: Samarskij universitet, 1993.
- [12] *Sidorkova G.D.* Pragmatika paremij: poslovičny' i pogovorki kak rečevy'e dejstviya. Krasnodar, 1999.
- [13] *Tyupa V.I.* Diskursny'e formacii: Očerki po komparativnoj ritoirike. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2010.
- [14] *Vinogradov V.V.* Russkij yazy'k (grammaticeskoe učenje o slove). M.: Vy'ssh. shkola, 1972.
- [15] *Zhukov V.P.* Predislovie // *Zhukov V.P.* Slovar' russkix poslovič i pogovorok: ok. 1200 poslovič i pogovorok. 5-e izd. M.: Rus. yaz. 1993. S. 9—21.
- [16] *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984.